

личная форма глагола-связки + беспредложная именная группа – предикатив, которая также может иметь определения;

б) перед прямым дополнением может стоять косвенное дополнение, которое в этом положении также является беспредложной именной группой;

в) препозитивные и постпозитивные определения могут относиться к главному слову любой именной группы – подлежащего, предикатива, дополнения, определения и обстоятельства.

Эти детали, не имеющие существенного значения для ориентировки в тексте при переводе, не отражены в схеме.

ПЕТРОВСКАЯ В.А.

Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина (Беларусь)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ПОЭЗИИ Р. КИПЛИНГА

Поэзия Редьярда Киплинга, близкая по стилю английским народным балладам, солдатским маршам, насыщенная грубоватым юмором, образным просторечием, романтикой странствий и тонким лиризмом, поразила читателей викторианской Англии. Сочетая точность репортера, фантазия романтика и мудрость философа, Киплинг открывает перед читателями неведомый мир – мир Востока. Этот мир причудлив и притягателен, хотя его быт и нравы зачастую кажутся странными, а традиции и устои нередко вызывают непонимание и даже неприятие. Взаимодействие двух цивилизаций – западной и восточной – становится одной из основных тем поэзии Р. Киплинга.

Судьба Р. Киплинга была неразрывно связана с обеими цивилизациями. Киплинг нередко называл подобных ему уроженцев колоний туземцами. Он чувствовал себя своим и в английской, и в индийской жизни. Стихотворение «За уроженцев колоний!» («The Native-Born») становится поэтическим свидетельством принадлежности Киплинга к двум противоположным мирам – Западу и Востоку: «They change their skies above them, / But not their hearts that roam! / We learned from our wistful mothers / To call old England “home”. / They passed with their old-world legends – / Their tales of wrong and dearth – / Our fathers held by purchase, / But we by the right of birth. / Our heart’s where they rocked our cradle, / Our love where we spent our toil, / And our faith and our hope and our honour / We pledge to our native soil!» / «Не английское небо над нами, / Но всех нас учила мать / Туда устремляться сердцами / И Англию домом звать. / Легенды старого света – / Память горя, досталась отцам / По праву их прежней жизни, / И по праву рожденья – нам! / Тут качали нас в колыбели, / В эту землю вложен наш труд, / Наша честь, и судьба, и надежда / По праву рожденья – тут!» (перевод В. Бетаки).

Редьярд Киплинг был «англо-индийцем» во втором поколении. Он родился в 1865 году в Индии, куда его отец, декоратор и скульптор, отправился с молодой женой в поисках постоянного заработка и солидного положения в обществе. Первые шесть лет жизни Киплинга прошли в Бомбее, в кругу дружной семьи, где его воспитанием занимались, в основном, индийские няни и слуги, отчаянно баловавшие своего подопечного. Общаюсь с индийскими слугами чаще, чем с родителями, Редьярд усвоил хиндустани как свой первый язык. Нередко его индийская няня напоминала ему, что в гостинной нужно говорить по-английски. В стихотворении «За уроженцев колоний!» («The Native-Born») Киплинг отдает дань уважения тем, кто познакомил его с культурой и традициями Востока: «To our dear dark foster-mothers, / To the heathen songs they sung – / To the heathen speech we babbled / Ere we came to the white man's tongue!» / «За наших черных кормилиц, / Чей напев колыбельный дик, / И – пока мы английский не знали – / За наш первый родной язык!» (перевод В. Бетаки). По традиции англо-индийских семей Редьярд и его сестра были отправлены учиться в Англию. В возрасте семнадцати лет Киплинг твердо решил стать писателем. Ему необходимо было приобрести опыт реальной жизни, обрести материал для творчества, поэтому он с радостью воспользовался возможностью вернуться в Индию, где его ожидало место корреспондента в «Гражданской и военной газете» города Лахора. Работа репортера позволила Киплингу узнать во всем разнообразии как жизнь индийского населения, так и жизнь британской администрации. В скором времени Киплинг превращается в великолепного знатока местного быта и нравов. Вновь открытая Киплингом Индия – огромная, многоликая страна, где соприкасались две великие культуры, Запад и Восток, – предоставила Киплингу множество новых сюжетов, образов, мотивов.

В 1886 году Киплинг выпускает свою первую книгу «Департаментские песни» («Departmental Ditties»), в которой преобладают произведения с юмористическим, а в некоторых случаях и с гротескно-сатирическим звучанием. В центре внимания Киплинга постоянно находятся отношения англичан с индийцами. Эта тема органична для писателя, который является одновременно представителем двух культур, двух цивилизаций.

Поэзия Киплинга заявила о себе ярко и непривычно. «Баллада о Востоке и Западе» («The Ballad of East and West»), которой открывался поэтический сборник «Казарменные баллады» («Barrack-Room Ballads») в 1892 году, стала поэтической декларацией взглядов Киплинга на взаимодействие двух цивилизаций: «Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet, / Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat; / But there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth, / When two strong men

stand face to face, though they come from the ends of the earth!» / «Запад есть Запад, Восток есть Восток – им не сойтись никогда / До самых последних дней Земли, до Страшного Суда! / Но ни Запада нет, ни Востока, нет ни стран, ни границ, ни рас, / Если двое сильных лицом к лицу встретятся в некий час!» (перевод В. Бетаки).

Дальнейшее развитие тема взаимодействия Востока и Запада получает в балладах «Ганга Дин» («Gunga Din») и «Мандалей» («Mandalay»). Баллада «Ганга Дин» – это поэтическая летопись жизни пожилого индийского водоноса в одном из британских полков. Ганга Дин смиренно переносит все тяготы военных будней, грубость и пренебрежительное отношение солдат. Он выполняет свои обязанности, проявляя неожиданные для человека его возраста мужество и отвагу, на которые порой оказываются неспособны профессиональные военные, окружающие его. В его душе таится невероятный запас душевных сил. В одном из боев Ганга Дин ценой своей жизни спасает от смерти британского солдата: «I shan't forgit the night / When I dropped be'ind the fight / With a bullet where my belt-plate should 'a' been. / I was chokin' mad with thirst, / An' the man that spied me first / Was our good old grinnin', gruntin' Gunga Din. / You Lazarushian-leather Gunga Din! / Though I've belted you and flayed you, / By the livin' Gawd that made you, / You're a better man than I am, Gunga Din!» / «Помню, как в ночном бою / В отступающем строю / Я лежать остался, раненый, один, / Мне б хоть каплю, хоть глоток – / Все ж пустились наутек, / Но никак не старина, не Ганга Дин. / Посиневший от натуги Ганга Дин, / пред тобой винюсь во многом / И готов поклясться Богом: / Ты честней меня и лучше, Ганга Дин!» (перевод Е. Витковского).

Баллада «Мандалей» – это целая повесть о жизни солдата, «отравленного навсегда» зовом Востока, его яркими красками и экзотической природой. Человеку, вернувшемуся в туманный Лондон после службы в экзотической Бирме, человеку, оторванному от яркого мира, с которым он так сжился, вся английская жизнь видится пресной и серой: «By the old Moulmein Pagoda, lookin' eastward to the sea, / There's a Burma girl a-settin', and I know she thinks o' me; / For the wind is in the palm-trees, and the temple-bells they say: / Come you back, you British soldier, come you back to Mandalay! / An' I'm learnin' 'ere in London what the ten-year soldier tells: / If you've 'eard the East a-callin', you won't never 'eed naught else!» / «Смотрит пагода в Мульмейне на залив над ленью дня. / Там девчонка в дальней Бирме, верно, помнит про меня. / Колокольцы храма плачут в плеске пальмовых ветвей: / Эй, солдат, солдат британский, возвращайся в Мандалей! / Только в Лондоне я понял: прав был мой капрал тогда: / Кто расслышал зов Востока, тот отравлен навсегда!» (перевод В. Бетаки).

В поэтических произведениях Р. Кипплинга можно выделить две связанные с британскими колониями темы: освоение новых территорий и колониальные войны. В защите и сохранении империи Кипплинг видит не только верность заветам отцов, но и долг человека и гражданина. При этом Кипплинг никогда не позволяет себе пренебрежительного отношения к коренному населению британских колоний. Стихотворение «Бремя белого человека» («The White Man's Burden») выступает художественным воплощением убежденности Кипплинга в том, что забота о странах, входящих в империю – почетная обязанность и долг британцев. На этом пути их ожидают трудности и преграды, их служба на благо империи требует приложения всех сил и не всегда сулит награды и почести. В формулировке Кипплинга «бремя белых» – это созидательный труд и чистота помыслов, смирение и терпение. «Бремя белого человека» – поэтическая заповедь Кипплинга тем, кто отправляет своих сыновей «на службу подвластным народам»: «Take up the White Man's burden – / In patience to abide / To veil the threat of terror / And check the show of pride; / Take up the White Man's burden – / The savage wars of peace / Fill full the mouth of famine / And bid the sickness cease; / Take up the White Man's burden – / No tawdry rule of kings / But toil of serf and sweeper – / The tale of common things...» / «Неси это гордое Бремя – / Будь ровен и деловит, / Не поддавайся страхам / И не считай обид; / Неси это гордое Бремя – / Воюй за чужой покой – / Заставь отступить Болези / И Голоду рот закрой; / Неси это гордое Бремя / Не как надменный король – / К тяжелой черной работе / Себя, как раба, приневожь...» (перевод А. Сергеева).

Поэтический цикл «Казарменные баллады» («Barrack-Room Ballads») обращен ко всем создателям империи: к строителям, инженерам, офицерам, солдатам. Для Кипплинга человека определяет отнюдь не то, что он есть, а то, что он совершает. Идеальными героями его стихотворений становятся бескорыстные труженики, которые отправляются на край света, чтобы прокладывать дороги, возводить мосты, лечить, управлять, защищать – нести «бремя белых». Демократизм Кипплинга, его уважение к человеку, независимо от его происхождения, проявляются в стихотворении «Прелюдия» («Prelude»), открывающем сборник «Казарменные баллады»: «I have eaten your bread and salt. / I have drunk your water and wine. / The deaths ye died I have watched beside, / And the lives ye led were mine...» / «Я делил с вами хлеб и соль... / Вашу воду и водку пил, / Я с каждым из вас умирал в его час, / Я вашей жизнью жил...» (перевод В. Бетаки). Кипплинг четко определяет свое отношение к людям, с которыми он живет и трудится. В «Посвящении Томасу Аткинсу» («To: Thomas Atkins») Р. Кипплинг отдает дань уважения британскому солдату: «Heaven keep you safe and sound, / And, Thomas, here's

my best respects to you!» / «Будь же небом ты храним, / Жив, здоров и невредим. / Том, прими же уважение мое!» (перевод В. Бетаки). Р. Киплинг восхищается мужеством и самопожертвованием простых индийцев на службе у Ее Величества: «'E carried me away / To where a dooli lay, / And a bullet come an' drilled the beggar clean. / 'E put me safe inside, / An' just before 'e died, / I 'ope you liked your drink, sez Gunga Din...» / «Он меня к носилкам нес. / Грянул выстрел – водонос / Умер с подлинным достоинством мужчин, / Лишь сказал тихонько мне: / Я надеюсь, ты вполне / Был водой доволен, – славный Ганга Дин...» (перевод Е. Витковского). Не забывает Р. Киплинг и вклад уроженцев британских колоний, «гребцов имперской галеры», в создание империи, «над которой никогда не заходит солнце». Именно им он посвящает свое стихотворение «За уроженцев колоний!»: «We've drunk to the wide creation, / And the Cross swings low to the morn, / Last toast, and of obligation, / A health to the Native-born!» / «Так – при свете утренних звезд / За нас, уроженцев колоний, / Наш главный, последний тост!» (перевод В. Бетаки).

В поэзии Р. Киплинга искусно сочетаются литературная речь, песенные интонации, высокий библейский стиль, профессиональный жаргон моряков, солдатский сленг и заимствования из хинди. Ей присущи яркая образность, музыкальность, насыщенные драматизмом сюжеты, проникновенный лиризм. Взаимодействие двух культур, Востока и Запада, стало богатейшим источником поэтического вдохновения Р. Киплинга. Наполненные глубоким философским содержанием сюжеты, неповторимая красочность и самобытность поэзии Р. Киплинга – это художественное воплощение диалога двух цивилизаций, Запада и Востока.

ПИНЮТА И.В.

Барановичи, БарГУ (Беларусь)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СИТУАТИВНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ УМЕНИЙ

Умения межкультурного общения (УМО) учителя иностранного языка (ИЯ) представляют собой способность решать разнообразные коммуникативные задачи в рецептивном и продуктивном видах деятельности с учетом особенностей перцептивной, коммуникативной и интерактивной сторон межкультурного общения.

Применение принципа ситуативности для развития УМО обусловлено тем, что условия обучения студентов должны быть адекватными условиям их будущей деятельности в условном и реальном межкультурном общении. Следовательно, принцип ситуативности делает возможным развитие УМО на примере конкретных эпизодов,